

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

В краю "золотого заката"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
В краю "золотого заката" / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-99143-8

ISBN 978-5-519-99143-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

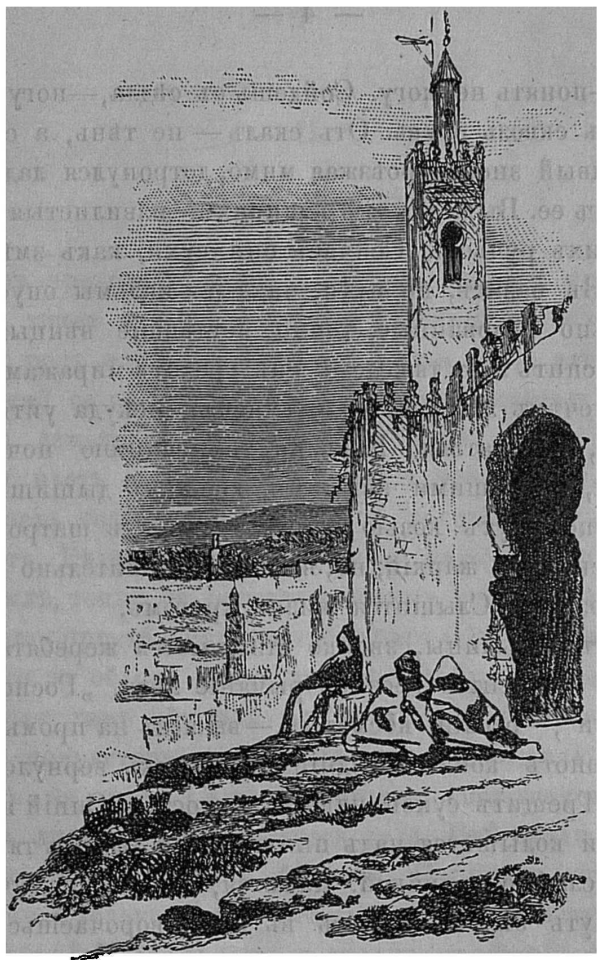
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ краю золотого заката *).

—I.

Въ пеклѣ.

Вотъ уже четвертый день меня жарить беспощаднымъ солнцемъ. Какъ у нашихъ муловъ хватается

*) Такъ мусульмане сѣверной Африки называютъ Марокко (то же, что и Магрибъ).

силъ,—понять не могу. Сойдешь съ сѣдла,—ногу прожигаетъ сквозь обувь. Отъ скалъ — не тѣнь, а сухой, удушливый зной. Проезжая мимо, дотронулся ладонью и обжегъ ее. Въ желтыхъ трещинахъ—извилистыя ложи весеннихъ ручьевъ. Сейчасъ они сухи, какъ змѣиная кожа. Въ оазисѣ, по пути, чахлыя пальмы опустили безсильно изорванные, точно истлѣвшіе вѣнцы. Пустыня спитъ и въ тяжеломъ снѣ грезить миражами. И, вѣдь, нечѣмъ защититься отъ пекла, некуда уйти, зарыться, спрятаться. Еще въ темносинюю ночь, съ яркими, не нашими звѣздами, кое-какъ дышишь. Въ дуарѣ подымутъ козью шерсть черныхъ шатровъ, и подъ нею хоть жаркій, по, все-таки, медлительно струится воздухъ. Слышится жизнь кругомъ.

Ржутъ кобылицы, звонко отзываются жеребята; откуда-то доносится грозное рычаніе льва. „Господинъ пустыни“,—рыжій, косматый,—вышелъ на промыселъ. Чу! Топотъ коня. Поздній странникъ вернулся въ дуаръ. Трещить сухой навозъ въ кострѣ. Синій языкъ пламени колыхается надъ нимъ. Сизый дымокъ тянется прямо слабою струйкой. Кажется, за день намучился я, заснуть бы. Нѣтъ, весь въ поту ворочаешься на рабатскомъ коврѣ и, какъ рыба, выброшенная на берегъ, съ усиліемъ дышишь, широко раскрывая ротъ. Съ ужасомъ думаешь: разсвѣтетъ, — багровые факелы солнца побѣгутъ по просыпающейсѣ пустынѣ, зажгутъ красными огнями верхушки ея холмовъ, погаснутъ послѣднія звѣзды, и опять надо взбираться на мула и слѣдовать за высохшимъ, какъ подвѣшенная на солнцѣ мертвая ворона, старымъ кайдомъ,—вожакомъ нашего каравана.

II.

Оазись Зааруна.

Вонъ предгорья Зааруна. И они кажутся призрачными, точно это не каменные массивы, а аметистовое пламя надъ опаловою бездною. Каидъ меня утѣшаетъ: прїѣзжай сюда въ ноябрѣ, — все кругомъ цвѣтеть, точно ковры лежатъ въ пустынѣ. Она, вѣдь, въ это время жадно пьетъ воду. Почти каждую ночь идутъ дожди. А теперь только кое-гдѣ сухой папоротникъ да зла-тоцвѣтъ. Рѣдко-рѣдко карликовая пальма припадаетъ къ землѣ, точно ея растопыреннымъ сухимъ листьямъ страшно пристального неизбѣжнаго солнца. Боже мой, что это за облако вдали припало къ бурымъ пескамъ? Неужели тамъ рѣчонка не высохла и питаетъ сады? Мулы почувствовали дыханіе свѣжести издали. И понукать не надо! Сами стремглавъ, спотыкаясь о выступы дикаго камня, несутся туда. Рай среди пекла. Осущенная греза бедуина. Длинные тѣни навстрѣчу. Сколько вѣковъ этимъ сикоморамъ и тутовымъ деревьямъ? Какъ прянно и сильно пахнетъ отъ нихъ. Настоящая прохладная вода. Съ музыкальнымъ звономъ падаетъ кристалльная струя въ бѣлый бассейнъ. „Чаша холодной воды“. Какое счастье! Эта вода подземными жилами пробѣжала сюда изъ тайниковъ Зааруна. Ну, теперь жги, солнце, сколько хочешь. Я не отойду отъ арабской воды.

— Дальше будетъ еще лучше!

— Такіе же сады?

— Нѣтъ... Скоро мы переправимся черезъ Себу.

— Тамъ опять пустыня?

— Но за нею—нашъ Уэццанъ... Цвѣтокъ Магреба.
Лучъ, упавшій на его пески изъ рая.

— Но сегодня-то мы здѣсь отдохнемъ? Этихъ лучей,
слава Богу, мы наглотались довольно.

— Да. Выступаемъ утромъ.

III.

„Змѣиный отецъ“.

— У васъ за моремъ есть что-либо подобное Уэццану?

Оглядываюсь. Мой переводчикъ кидается къ громадному бронзовому голышу съ заплетенными въ мелкія косички волосами и цѣлуетъ ему руку.

— Не знаю, я еще не видѣлъ вашего Уэццана!

— Увидишь,—пожалуй, не захочешь возвращаться домой.

У ногъ бронзоваго голыша какая-то корзина, затянутаая пряжей... Пряжа шевелится. Я только что обратилъ на нее вниманіе. Точно подъ нею возятся гибкія упругія тѣла.

— Что это у тебя?

— Мои друзья и дѣти.

Онъ сунулъ руку подъ пряжу и вытащилъ...

Признаюсь. Жизнь и скитальчество научили меня владѣть собою, но отъ этого нежданнаго новаго дѣйствующаго лица такъ и отбросило прочь. Вокругъ

локтя,— головою къ темной бронзѣ плеча, вдругъ обвилась громадная кобра. Она разѣвала пасть; два тонкіе язычка ея, дрожа, касались горячей кожи моего собесѣдника. Порою змѣя сверкала въ нашу сторону изумрудными глазами и шипѣла.

Бронзовый голышъ что-то пронзительно гортанно крикнулъ, короткое и властное. Изъ-подъ ближайшаго шатра выскочила глазастая, тонкая, какъ тростинка, дѣвочка, перебѣжала въ другой и оттуда принесла намъ чашку козьего молока. Бронзовый голышъ вытащилъ другую змѣю.. Обѣ припали къ молоку и жадно пили его. Меня поразило, что смуглянка подошла и нѣжно начала гладить этихъ сгибавшихся подъ ея темными пальчиками пресмыкающихся, для меня въ полномъ смыслѣ отвратительныхъ.

— Ты не боишься ихъ?

Она подняла на меня удивленные глаза:

— Вѣдь, съ ними—змѣиный отецъ...

— Какой змѣиный отецъ?

Переводчикъ за нее отвѣтилъ: бронзовый голышъ принадлежитъ къ монашескому ордену эль-айсауйа. Именно къ тому отдѣлу, который посвятилъ себя изученію змѣй, змѣиныхъ ядовъ, змѣиныхъ привычекъ. Они по всему сѣверу Африки расходятся съ своими ползучими артистами и даютъ представленія на площадяхъ и рынкахъ варварійскихъ городовъ. На свою публику они оказываютъ громадное вліяніе, и покровительство одного только режиссера змѣиного театра, пожалуй, поважнѣе всякихъ писемъ и рекомендацій.

IV.

Монета въ пустынь.

— Поблагодари ее за „моихъ дѣтей“... За чашку молока въ пустынь султанъ Нуреддинъ отдалъ свою сестру! Ты видишь, мы — айсауя, нищіе. На мнѣ нѣтъ даже бурнуса.

Какъ было не воспользоваться подвертывавшимся случаемъ! Вѣдь, этотъ бродячій монахъ въ фанатическомъ Уэццанѣ могъ быть для меня надежнымъ щитомъ.

Я вынулъ дублонъ...

Золотая монета въ пустынь. Дѣвочка даже попятилась.

— Ей будетъ пріятнѣе получить это изъ твоихъ святыхъ рукъ.

И я протянулъ золото ему.

Я никогда не забуду удивленія на этомъ почернѣвшемъ отъ солнца лицѣ.

— Воистину и между „руми“ *) бываютъ великодушные и благочестивые люди. Да отмѣтитъ тебя Аллахъ своимъ перстомъ, да просвѣтитъ Магометъ твой умъ. Счастливымъ днемъ для меня будетъ тотъ, въ который мы съ тобой помолимся въ одной и той же мечети. Ну, дѣвочка, твое счастье. Возьми и помни всегда щедраго „руми“.

Дѣвочка приложила золотую монету къ губамъ, глазамъ, лбу и сердцу.

*) Руми—европеецъ.

— Я для тебя сдѣлаю то, что мы, айсауйа, совершаемъ для истинно вѣрующихъ.

Онъ вдругъ схватилъ мою голову и крѣпко сжалъ ее горячими сильными руками.

Дунуль въ темя. Прочелъ нѣсколько фразъ на языкѣ, непонятномъ даже Леви,—а мой переводчикъ зналъ всѣ здѣшнія нарѣчія. Потомъ, когда я совсѣмъ не ждалъ этого, взялъ нѣжившуюся на солнцѣ змѣю и положилъ ее мнѣ на колѣни. Я еще не успѣлъ сообразить, что дѣлать, какъ она привычнымъ изгибомъ обвила мою руку, и прямо въ лицо мнѣ открылась ея пасть. Раздвоенный языкъ коснулся моихъ щекъ. Противное ощущеніе! И щекотно, и точно обжогъ. И страшно. Ну, что ей стоитъ укусить меня?

— Не бойся ея... Отнынѣ ни одна змѣя тебя не ужалить.

V.

Шерифъ-хаджи-Гассани.

Имя моего новаго пріятеля было Гассанъ, или Гассани.

Такъ какъ онъ побывалъ въ Меккѣ, то къ этому прибавлялся титулъ хаджи. Хаджи Гассанъ могъ доказать свое родство въ одной изъ восходящихъ линій съ пророкомъ. Итого, въ общей суммѣ выходило шерифъ-хаджи Гассанъ, а по принадлежности его къ знаменитому во всей сѣверной Африкѣ монашескому ордену — шерифъ-хаджи - Гассанъ-эль-айсауйа. Столь

длинный титуль у челоѣка, не имѣвшаго даже бурнуса, чтобы прикрыть наготу! Только и всего, что грубая пряжа, „препоясывавшая ему чресла“, — и весь парадъ готовъ. Я ему хотѣлъ купить „гурби“, но онъ только засмѣялся.

— Я, все равно, отдамъ его первому, которому нечего будетъ бросить себѣ на плечи.

— А солнце?

— Что солнце? Оно жгло меня, когда я, какъ червякъ, ползалъ еще по пескамъ пустыни.

Я попробовалъ, было, высунуть руку изъ-подъ шатра и долго потомъ возился ожогами.

На мое счастье, Гассани примкнулъ къ нашему каравану.

Каидъ - проводникъ обрадовался.

— Ну, теперь съ нами пребудетъ благословеніе Божіе.

— Почему?

— Святой у насъ! Мы до Уэццана дойдемъ благополучно. А то тутъ, за Себу, бродятъ разбойники изъ Эльгарба. Они, вѣдь, не признаютъ ни султана, ни его каидовъ и кадіевъ.

И на первомъ же переходѣ это оправдалось.

Оставили мы за собой тѣнь и прохладу тутовыхъ деревьевъ и опять погрузились въ палящее царство неимовѣрнаго пекла. Мѣха, наполненные чистыми струями „божьей воды“, скоро истощились. Насъ ожидало еще нѣсколько переправъ черезъ Себу. Всегда можно будетъ возобновить запасы. Дорога, очень хорошая на этотъ разъ, вилась вокругъ странныхъ скалъ.

VI.

Гроза пустыни.

Каидъ что-то крикнулъ.

Нашъ караванъ остановился. Звенять тонко и печально бубенчики подъ шеями верблюдовъ. Тяжело дышать мулы, навьюченные, шуршатъ одинъ о другой тюками. Съ усиліемъ открываю глаза. Около всадники выхватываютъ ружья. Ближайшій, поднявъ ружье высоко одною рукою, точно дротикъ, который онъ собирался швырнуть въ кого-то, понесся впередъ. Смотрю туда: въ трепетномъ зноѣ мерещатся за бугрыми горбами пустыни точки. Точки растутъ съ головокружительной быстротой. Я уже различаю удивительныхъ наѣздниковъ эль-Гарба... Оттуда доносятся воинственные крики, и вдругъ въ раскаленномъ воздухѣ, пронизавъ его, раздался такой вопль, котораго я раньше не слышалъ. Оглядываюсь. Это Гассанъ-эль-айсауйа. Мгновенно все замерло. И тамъ, у этого стремительнаго набѣга, и въ нашемъ, готовомъ на защиту, караванѣ.

Шерифъ-хаджи-Гассани вынулъ своихъ друзей. Одна змѣя обвилась у него вокругъ шеи, другая судорожно завертѣлась въ его кулакѣ, раскидывая во всѣ стороны хвостъ и голову, мѣняя гибкія, податливыя кольца.

Такъ онъ пошелъ навстрѣчу воинственнымъ кочевникамъ.

Передо мною вдругъ развернулась одна изъ картинъ

жизни въ пустынь, о какихъ я еще ни разу не читалъ въ книгахъ, посвященныхъ таинственной странѣ „золотого заката“.

Не успѣвъ шерифъ сдѣлать и половины пути, отдѣлявшаго его отъ всадниковъ эль-Гарба, какъ они бросились къ нему. Доскакавъ, сорвались съ высокихъ, отдѣленныхъ краснымъ бархатомъ, сѣдель и поползли къ монаху на колѣняхъ. Когда онъ поровнялся съ ними, опасные кочевники покрыли поцѣлуями его пыльные ноги... Онъ что-то говорилъ имъ. Они слушали его слова, какъ откровеніе. Потомъ вскочили на коней и медленно подѣхали къ намъ.

— Миръ съ вами! — привѣтствовали они нашъ конвой.

Услышавъ это, всадники каравана бросили ружья за плечи.

— Благоволеніе Аллаха на васъ!..

— Да хранить онъ вашъ путь въ пустынь...

— А васъ избавить отъ всякаго зла...

Какія удивительныя лица! Боже мой, да, вѣдь, я только читалъ о такихъ красавцахъ. Тонкія черты сухихъ, правильно обрисованныхъ лицъ, пылающіе, полные отваги глаза, великолѣпные зубы. Грудь—скульптору одна мечта...

— Съ вами „руми“,—установился одинъ на меня.

— Да, но надъ нимъ благоволеніе эль-айсауя.

Всадникъ подѣхалъ и подаль мнѣ руку.
